

Марина
СЕРОВА

Месть
**ПЛЯШУЩИХ
ЧЕЛОВЕЧКОВ**

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Частный детектив Татьяна Иванова

Марина Серова

Месть пляшущих человечков

«ЭКСМО»

2016

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Серова М. С.

Месть пляшущих человечков / М. С. Серова — «Эксмо»,
2016 — (Частный детектив Татьяна Иванова)

ISBN 978-5-699-90930-8

Частному детективу Татьяне Ивановой досталась задачка, над которой в свое время бился ее коллега Шерлок Холмс. Респектабельный бизнесмен Вдовин получает записки с детскими рисунками, в которых на первый взгляд нет ничего особенного: человеческие фигурки, дом, автомобиль, деревья. Все самое интересное начнется, когда автомобиль Вдовина исчезнет, дом подожгут, на людей из окружения бизнесмена объявят охоту, а его самого упекут под следствие за то, чего он не совершал. Одно утешает – загадки пляшущих человечков, оказывается, умеют разгадывать не только на Бейкер-стрит...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-90930-8

© Серова М. С., 2016
© Эксмо, 2016

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	16
Глава 3	27
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Марина Серова

Местъ пляшущих человечков

© Серова М. С., 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

* * *

Глава 1

Стоя перед зеркалом, я придирчиво рассматривала свое отражение. Бордовое платье в облипочку, кремового цвета кардиган, тонюсенькие колготочки. Туфли на шпильке. Грива белокурых волос довершала картину. Это был уже третий вариант. Два предыдущих я забраковала как неподходящие случаю. Похоже, и этот ансамбль ждет участь двух предыдущих. Глядя в зеркало, я скептически поморщилась. Нет, все не то! Платье мне казалось слишком вызывающим, а кардиган, наоборот, каким-то старческим. Зло сорвав кардиган с плеч, я запустила им через всю комнату. Он пролетел несколько метров, врезался в стену и стек на пол.

– Идиотский прием! И зачем я вообще согласилась пойти на него? Ведь сразу же было понятно, что подобные мероприятия не для меня! – вслух выругалась я, хотя в комнате, кроме меня, никого не было и обращаться с вопросом было не к кому.

А все Светка, будь она неладна! Вбила себе в голову, что на презентацию новой киноленты мы должны пойти непременно вместе. У нее, видите ли, на этот счет грандиозные планы. Знаем мы ее планы. Охомутать кареглазого брюнета из числа съемочной группы, вот и все ее планы. А я ей понадобилась в качестве группы поддержки. Вот возьму наряжусь, как американские тинейджерки, в коротенькую юбчонку и топик и «мочалки» цветные прихвачу. А еще речовочку разучу. «Наша Света молодец, не потеряй ее, малец! Ехо!» А что, неплохая идея. Пусть получит то, о чем мечтала. Все как в лучших традициях бейсбола. Может, еще кого позвать? Соседку с третьего этажа, например. Она и возраста подходящего. Сколько ей? Лет четырнадцать? Или все пятнадцать? Можно еще подружек ее прихватить. Тогда уж Светку точно кондратий хватит.

Глупая идея насчет группы поддержки немного развеселила меня. Я бросилась к шкафу, пытаюсь отыскать малюсенький топик, который лет пять назад мне презентовала малолетняя дочь моей приятельницы. Где-то он точно должен быть. Я перерывала полку за полкой, но топик все не находился. Поиски прервал телефонный звонок. Я дотянулась до телефона, прижала его ухом к плечу и, продолжая рыться в вещах, проговорила в трубку:

– Слушаю.

– Привет, Танюшка! Как настроение? – услышала я бодрый голос виновницы моих утренних переживаний. – Слушай, у меня к тебе просьба. Ты не могла бы одолжить мне на вечер свою цепочку с кулончиком? Помнишь, такой миленький, с жемчугом? Я тут такое сногшибательное платье присмотрела! Только, боюсь, без соответствующего украшения оно смотреться не будет. А твой кулон подойдет как нельзя лучше.

Я молча сопела в трубку, пытаюсь сдержаться, чтобы не наговорить подруге гадостей. В том состоянии, в котором я пребывала с девяти утра, такой вариант развития событий был не исключен.

– Ты чего молчишь? – донеслось из трубки. – Алло! Ты меня вообще слышишь? Эй, не пугай меня, чего пыхтишь-то? Танька, с тобой все в порядке?

– Да слышу я, не ори в ухо, – выдавила я из себя.

– О, живая! Привет. Так как насчет кулона? Или ты сама собиралась его надеть? – переспросила Светка. – Ты уже придумала, в чем пойдешь? Учти, мероприятие светское. Мы не можем себе позволить выглядеть как бедные родственницы на балу у богатенькой тетюшки.

– Придумала, – рассердившись, прорычала я. – Вот топик найти осталось. И за «мочалками» в драмтеатр заехать.

– Какой топик? – не поняла Светка. – И зачем тебе мочалки? Мы ж не в баню пойдем.

– Неужели? А я думала, что презентация состоится именно там, – съязвила я.

– Обалдела совсем? – фыркнула Светка. – Фуршет в бане!

– А ты разве не знаешь, что это последний писк моды? В столице давно подобное практикуют. Значит, до нашей провинции новые веяния еще не дошли? – развеселилась я.

– Танька, ты что, напилась там? Учти, до начала презентации ты должна быть в лучшей своей форме, – озабоченно проговорила Светка. – Так что завязывай со спиртным. А хочешь, я сейчас к тебе приеду? Проконтролирую.

– Иди лесом, – беззлобно ответила я. – Ты прекрасно знаешь, что я не пью. И в контроле не нуждаюсь, особенно в твоём.

– Да что там у тебя происходит? – не унималась подруга.

– Просто идея хорошая в голову пришла, – ответила я и рассказала ей о группе поддержки.

– Ну, подруга! С тебя станется, – засмеялась Светка. – А я тут голову ломаю, для чего тебе мочалки понадобились. Выкинь всю эту ерунду. Принимается только парадно-выходной стиль. Вечернее платье. Высоченный каблук. А о причёске я позабочусь. Такое тебе забабахая, все мужики твои будут. Ну, кроме Никиты, конечно.

Никитой звали того самого парня, охмурить которого собиралась Светка. Несколько месяцев назад ей подвернулась долговременная и, к слову сказать, прилично оплачиваемая халтурка. В Тарасов приехала столичная съёмочная группа. Снимали какую-то мыльную оперу о провинциальных влюблённых. Наш город показался режиссеру самым подходящим местом для натурной съёмки. И Светку пригласили в качестве ассистента парикмахера-визажиста. Штатный ассистент по приезду в город слег с тяжелой формой аллергии, и целых три недели Светка разрывалась между работой в собственном салоне и съёмочной площадкой. Потом ассистент исцелился от недуга, но от услуг Светки почему-то не отказались.

Моя подруга приписывала этот факт тому обстоятельству, что помощник режиссера, вышеупомянутый Никита, вспылал к ней, к Светке, неземным светлым чувством, но оказался настолько застенчивым, что никак не мог решиться открыться перед ней. А уж она, Светка, как только не старалась, столько авансов ему выдала, столько намеков, и все впустую. Никита о своих чувствах молчал. Но подруга не отчаивалась.

И вот, получив приглашение на презентацию, посвященную окончанию съёмок, она решила, что это самый подходящий случай для того, чтобы раскрыть карты. Тот факт, что приглашение получено на две персоны, Светку не смутил. А как же иначе, решила она. Ведь Никита – мужчина интеллигентный. Приглашение на одну персону выглядело бы явным намеком на то, что он ждет Светку одну. А так все в Светкиных руках. Вот она и придумала прийти на презентацию со мной. Вроде как и не одна, но и не с кавалером. Должен же Никита понять, что она, Светка, натура не менее утонченная в плане светских манер и условностей.

Примчавшись ко мне вчера под вечер, подруга вынудила меня дать согласие на посещение одного мероприятия, заявив, что для нее это вопрос жизни и смерти. Ну как тут откажешь? Я малодушно согласилась и теперь страдала, выбирая наряд. В процессе разговора мне на ум пришла крамольная мысль взять свое обещание обратно, но как только я заикнулась об этом, Светка категорически пресекла мои попытки, припечатав:

– Если ты мне подруга, значит, пойдешь! Тем более, тебе все равно заняться нечем.

С этим высказыванием я спорить не могла. Я действительно считала Светку своей подругой. И мне на самом деле нечем было заняться. Последнее дело, над которым я трудилась две недели, было успешно завершено, и, по идее, я должна была сейчас наслаждаться заслуженным отдыхом. Пообещав Светке не опаздывать и забыть о мочалках, топике и короткой юбке, я отбросила телефон в сторону и с удвоенной энергией принялась рыться в гардеробе, выискивая подходящий случаю наряд.

Через час на диване скопилась целая гора одежды, а я так ни на чем и не остановила свой выбор. С трудом отыскав свободное местечко, я устало плюхнулась рядом. Да, похоже, придется устроить небольшой променад по ближайшим бутикам, иначе на презентацию при-

дется-таки пойти в топики. Я потянулась за сумочкой, решив посчитать наличность. Отправляясь в модные салоны готового платья лучше с набитыми карманами.

Ухватив ремешок сумки, я потянула ее на себя. Сумка зацепила углом телефон. С тихим стуком он полетел на пол и тут же заиграл веселую мелодию. Я наклонилась, с трудом выудила трубку из-под дивана и посмотрела на экран. На дисплее высветилось имя. «Николай Емельянович» – сообщил мне умный аппарат. Так вот, значит, кому я понадобилась. Со мной желает пообщаться мой бывший клиент. Я нажала кнопку приема и, тяжело дыша, проговорила:

– Николай Емельянович, добрый день.

– Добрый, Татьяна Александровна. Я вас не сильно побеспокоил? – пророкотал в трубке голос бывшего клиента.

– Ну что вы. Всегда рада вас слышать, – произнесла я.

– Это хорошо, потому что я звоню вам не ради светской беседы, – заявил он. – Дело у меня. Серьезное.

– Снова проблемы с бизнесом? – поинтересовалась я.

Два года назад Николай Емельянович обратился ко мне с просьбой прояснить запутанную ситуацию. Его партнер по бизнесу сделал ему предложение, от которого, как говорится, ни один нормальный человек отказаться не может. Но Николаю Емельяновичу данное предложение показалось странным. Что именно в предложении партнера насторожило тогда бизнесмена, он объяснить не мог. Но ввязываться в авантюру, не выяснив подноготную, он не желал. Вот и нанял меня для разъяснения обстоятельств. В итоге моего вмешательства Николаю Емельяновичу удалось избежать серьезных проблем в бизнесе и сохранить собственную шкуру в целостности и сохранности. Правда, наградил он меня тогда по-королевски, это бесспорно. И вот, спустя два года после знаменательных событий, Николай Емельянович снова вспомнил обо мне. Естественно, первое, что пришло мне в голову, когда я услышала его голос: он снова вляпался в историю. Поэтому я удивилась, получив ответ на свой вопрос.

– О, нет. В этом отношении у меня все в ажуре. Благодаря вам, Татьяна Александровна, – заявил он.

– Тогда в чем дело? – спросила я.

– Проблемы не у меня. Проблемы у моего знакомого. Вернее, он не совсем мой знакомый. Скорее, знакомый моих знакомых, – принялся развивать свою мысль Николай Емельянович. – И даже не знакомый, а родственник одного из родственников моих родственников.

– Нельзя ли ближе к сути? – перебила я его. – Минуя, так сказать, цепочку родственных связей.

– Можно и короче, – засмеялся он. – Так даже предпочтительнее. Докладываю. Сын друга моего шурина имеет охранный бизнес. Одним из его клиентов является некий Вдовин Петр Аркадьевич. Директор тарасовского Химкомбината. Так вот. Охранник, приставленный лично к Вдовину, заявил на днях сыну друга шурина, что его клиенту угрожают, а тот на угрозы не реагирует. Охранник опасается, что на Вдовина готовят покушение, и требует принять необходимые меры безопасности, так как в случае нападения на директора шкура этого самого охранника попадает под удар первой.

– Законное требование, – вклинилась я в повествование.

– Требование-то законное, только клиент выполнять его отказывается, – заметил Николай Емельянович. – Вот я и подумал: не могли бы вы встретиться с этим охранником и попытаться определить, действительно ли все настолько серьезно, как он говорит, или проблема существует только в его воображении?

– Просьба исходит от вас лично или в этом заинтересован и ваш родственник? – уточнила я.

– Как вам сказать, – задумчиво протянул Николай Емельянович. – Понимаете, сын друга моего шурина парень молодой, самонадеянный. Ему легче уволить несговорчивого охранника

и нанять на его место дюжину других, но я, как представитель более старшего поколения, понимаю, что подобным образом дела не делаются. Сын друга шурина тоже это поймет. Позже. Только вот к тому времени ситуация может выйти из-под контроля. Если с Вдовиным случится неприятность, репутация охранного предприятия пострадает. В такой ситуации бизнес может и вовсе прогореть. Сам владелец охранного предприятия так далеко не заглядывает. А я... Я должен это сделать за него, понимаете? Я не могу сидеть сложа руки, когда вопрос касается кого-то из родственников моей жены. Она беспокоится. Моя задача восстановить ее спокойствие. Поэтому я прошу вас встретиться с охранником. Естественно, ваши труды будут оплачены.

– Хорошо, я подумаю, – сказала я. – Ответ дам завтра.

– Охранник будет ждать вас сегодня в восемь вечера в ресторане «Фортуна», – произнес Николай Емельянович. – Я буду вам очень признателен, если ответ вы дадите до этого времени.

– К чему такая спешка? Или охранник считает, что все настолько серьезно? – удивилась я.

– И это в том числе. Но время назначенной встречи объясняется куда проще, – ответил Николай Емельянович. – Сегодняшний вечер у него выходной. Если по каким-то причинам вы не сможете переговорить с ним сегодня, то встречу придется отложить на неделю. А неделя, сами понимаете, срок немалый, когда речь идет о безопасности человека.

– Вообще-то на этот вечер у меня уже были планы, – протянула я, памятуя о Светкином ультиматуме.

– Пятьсот долларов только за беседу, – невозмутимо произнес Николай Емельянович, понимая, что от подобного предложения я вряд ли откажусь.

– Вы меня искушаете, – улыбнулась я в трубку. – Ну хорошо. Я встречу с охранником. Только не в «Фортуне». Кинотеатр «Космос» на набережной. Пусть подъезжает к девяти и ждет у входа.

– Он будет ровно в девять, – радостно пообещал Николай Емельянович и отключился так поспешно, что я и попрощаться не успела.

Итак, вечер перестает быть томным, господа присяжные заседатели! Тоскливая вечеринка в компании киношного бомонда будет разбавлена загадочными событиями, происходящими в жизни обычного тарасовского бизнесмена. Лично мне это подходит. Осталось решить, каким нарядом я буду поражать светскую публику, и дело в шляпе. Идти по магазинам тут же расхотелось. Выудив из груды разбросанной одежды строгое вечернее платье темно-синего цвета, я добавила к нему соответствующие туфли, плоскую сумочку типа клатча и, довольная, отправилась в ванную комнату, принять душ. До назначенного времени оставалось три часа. За это время мне нужно было успеть наложить макияж, добраться до Светки и, отдав себя в руки профессионала, получить сногшибательную прическу.

* * *

– Ну, как он тебе? Правда красавчик? – в третий раз за последние четыре минуты прошептала мне на ухо Светка.

Я согласно кивнула. Не потому что была согласна с ней, а потому что знала, одержимым перечить нельзя. С ними лучше во всем соглашаться. Даже если они начнут нести полную околесицу. Даже если потребуют от вас признания, что селедка с малиновым вареньем – лучшее изобретение современных поваров. Людей с неадекватным поведением бесить не стоит. Себе дороже. А Светка в настоящий момент была явно неадекватна. Мы пребывали на скучнейшей в мире тусовке уже битый час. За это время дражайший Никита едва ли перемолвился со Светкой парой ничего не значащих фраз, а эта дуреха млела от восторга, как наивная курсистка, и все ждала от незабвенного помощника режиссера решительных действий. Исправить положение было не в моих силах. По крайней мере, до тех пор, пока Никита находился в поле зрения

Светки. А увести ее с вечеринки не представлялось возможным. Перспектива стать возлюбленной кареглазого брюнета затмила бы любые доводы разума. И я покорно кивала всякий раз, когда подруга шептала мне на ухо заветный вопрос.

– Ты чего так часто на часы смотришь? – упрекнула она меня, поймав брошенный украдкой взгляд. – Слινять решила? Даже не думай. Мы останемся до конца!

– Ничего подобного. Не переживай, одну я тебя здесь не оставлю, – вполне искренне пообещала я. – Просто у меня на девять встреча назначена. Я отлучусь ненадолго, а потом снова к тебе присоединюсь.

– О, нет! Не оставляй меня, – взмолилась Светка, и я снова засомневалась в ее душевном здравии. – Я не хочу, чтобы ты уходила. А вдруг Никита подойдет именно тогда, когда тебя не будет. Что я ему скажу?

– Так, может быть, Никита этого и ждет? – Я вынуждена была пойти на хитрость, иначе поведение новой, неадекватной Светланы могло нарушить мои планы. – Быть может, он не хочет общаться с тобой в моем присутствии и только и ждет, когда я хоть ненадолго отлучусь?

– Точно! – ахнула Светка. – И как это я сама не додумалась? Ну же, иди скорее. Чего замерла?

– Девяти еще нет, – озадаченно протянула я.

– Ну и что? Не можешь немного в одиночестве поскучать? – возмутилась подруга. – Иди и раньше, чем через полчаса, не возвращайся.

И снова я не стала спорить. Бросив сердитый взгляд на виновника Светкиных проблем, я отправилась к центральному входу, караулить охранника директора Химкомбината. Надеюсь, хоть он меня не разочарует и выложит историю, достойную пера доктора Ватсона. Не успела я выйти на крыльцо и как следует оглядеться, как ко мне подошел молодой человек мужественной наружности.

– Простите, девушка, не могли бы вы мне помочь? – обратился он ко мне.

– В чем заключается ваша проблема? – с иронией в голосе поинтересовалась я.

Было что-то забавное в этой ситуации: здоровенный детина ищет помощи у хрупкой, беззащитной на первый взгляд девушки. Уловив в моем голосе иронические нотки, детина оценил ситуацию и нашел ее не менее забавной, чем я. Он ткнул пальцем в сторону охранника, нерушимой глыбой вросшего в плиты крыльца, и голосом обиженного малыша произнес:

– Вот моя проблема! Справитесь?

– Чем же вам не угодил этот милый человек? – уже в открытую заулыбалась я.

– Он меня внутрь не пускает, – продолжал шутить молодой человек. – А мне очень хочется туда попасть.

– Ай, ай, ай. Какой нехороший человек, – покачала я головой. – Только, боюсь, мне с ним не справиться. Придется вам дожидаться окончания мероприятия. Или прийти в другой раз.

– Не могу, – признался детина. – Мне назначено.

– Ну, если назначено, то вы должны быть внесены в списки приглашенных, – авторитетно заявила я.

– К сожалению, моей фамилии там нет, – ответил молодой человек.

– Устроители напутали? – подсказала я.

– Точно. А меня там девушка ждет, – добавил он.

– Так вы ее вызовите, – посоветовала я.

– Вот об этом я вас и хотел просить, – перейдя на серьезный тон, признался молодой человек. – А то этот амбал даже вызвать ее отказывается. Как, говорит, я тебе ее среди трехсот приглашенных отыщу? Но вы ведь мне поможете? Я уверен, вас не испугает подобная перспектива.

– Так и быть, помогу вам. Не бросать же вас на произвол судьбы, – ответила я, кинув взгляд на часы и поняв, что время у меня еще есть. – Называйте ее имя, постараюсь отыскать.

– Татьяна Иванова, – поспешил с ответом молодой человек. – Высокая, стройная, светловолосая.

Услышав собственное имя из уст весельчака, я чуть не расхохоталась в голос. Надо же, это и есть мой визави! А я тут стою, шутки рассыпаю. А парень-то пришел ко мне. И повод для встречи отнюдь не шуточный. Эх, не зря умные люди говорят: «Язык мой – враг мой». Неудобно получилось. Теперь парень, чего доброго, подумает, что имеет дело не с профессионалом в области сыска, а с взбалмошной девицей, серьезные дела с которой обсуждать ниже его достоинства. Да, незадача! Удивленный моей реакцией, молодой человек окинул меня пристальным взглядом. В глазах отразилось понимание.

– Так вы и есть Татьяна Иванова? – то ли спросил, то ли подтвердил свою догадку он.

– Точно. Я и есть Иванова, – призналась я.

Парень присвистнул, отошел на шаг назад, оценивая мой прикид, и честно произнес:

– Я вас себе совершенно по-другому представлял.

– В строгом чесучовом костюме и с буклями? – пошутила я.

– Ну, уж не в вечернем платье точно, – ответил он.

– Жаль вас разочаровывать, но детективы тоже люди, – иронично проговорила я, не желая показывать, что смущена. – И у них тоже бывают выходные.

– Ну да. Ну да, – озадаченно произнес молодой человек. – А я, это, к вам, значит. По делу.

– Прекрасно. Я готова вас выслушать. Николай Емельянович сообщил мне только то, что у вашего босса какие-то неприятности. Больше мне ничего не известно, – деловито сказала я, отводя молодого человека в сторону от входа. – Давайте присядем, и вы мне все расскажете.

Я указала на скамейку, стоявшую неподалеку от кинотеатра. Молодой человек послушно присел, но продолжал молчать, пытаясь осознать, что девица в облегающем платье с большим вырезом и есть частный детектив. Я вздохнула. Напрасно я согласилась встретиться с ним здесь. Надо было уболтать Светку, чтобы на презентацию она одна шла. Да что теперь об этом думать. Теперь надо играть теми картами, которые достались.

– Так в чем заключается проблема вашего босса? – произнесла я. – Николай Емельянович сказал, вы работаете охранником у директора Химкомбината. Это так?

– Да. Вернее, я числюсь в охранной фирме «Щит» и по заказу охраняю господина Вдовина. Это директор комбината, – объяснил парень.

– Для начала предлагаю познакомиться. Мое имя вам известно, теперь очередь за вами, – проговорила я.

– Андрей Кусков. Лицензированный охранник, – коротко представился парень.

– Очень приятно, – вежливо ответила я и продолжила: – Значит, вы, Андрей, считаете, что вашему боссу угрожают. В чем это выражается?

– Вот, – порывшись в кармане пиджака, он вложил мне в руку пачку мятых листов.

– Что это? – разворачивая первый лист, спросила я.

– Угрозы. Вернее, записки с угрозами, – пояснил Андрей.

– А поподробнее? – вскинув брови, потребовала я. – Суть проблемы. Желательно с комментариями.

– Вот уже неделю кто-то подбрасывает Петру Аркадьевичу эти записки. Петр Аркадьевич относится к ним, мягко говоря, несерьезно. Попросту плюет на угрозы. Я, как его телохранитель, позволить себе этого не могу. Убедить Петра Аркадьевича в том, что записки не просто чья-то глупая шутка, у меня не получилось. Поэтому я решил действовать самостоятельно, – произнес Кусков.

Пока он говорил, я успела просмотреть все записки. Бегло, но для первого раза этого было вполне достаточно. На небольших листах, примерно в четверть тетрадного, были хаотично изображены отдельные предметы. Каждый раз рисунок был нарисован шариковой ручкой. Кое-где изображения предметов заходили один на другой. На первый взгляд ничего угрожающего

в этих рисунках не было. Разве что надпись под каждым из них. Вот она была неизменяемой. «Верни то, что задолжал, и будешь жить спокойно» – так звучало послание.

– Суть вы изложили. Теперь подробности. Только сразу с самого начала. Как и когда появилась каждая из этих записок? Кто их обнаружил? Кто при этом присутствовал? И так далее, и тому подобное, – выдала я целый ряд наводящих вопросов, раскладывая записки на коленях.

Андрей некоторое время молчал, собираясь с мыслями, потом не торопясь начал рассказ.

– Первое послание пришло ровно неделю назад, – произнес Андрей. – Петр Аркадьевич как раз вернулся из командировки. Я отвез его домой. Как обычно, проверил квартиру. Ничего подозрительного не обнаружил и отправился вниз. Не успел я дойти до машины, как позвонил Петр Аркадьевич. Велел подняться к нему. Я вернулся. Он сунул мне под нос записку и потребовал объяснений. Листок был мне не знаком, я так ему и сказал. Он немного покричал. Что-то из серии «за что я тебе деньги плачу», потом поостыл, запихал листок мне в карман и велел убираться. Ну, я и ушел подобру-поздорову.

– Он сказал, откуда записка? – перебила я Кускова.

– Да. Стал разбирать багаж и обнаружил ее в наружном кармане чемодана. Там он обычно хранит свои таблетки, – ответил Андрей.

– Вдовин болен? – поинтересовалась я.

– Обычные проблемы всех современных бизнесменов, – пожал плечами Кусков. – В случае с Петром Аркадьевичем это поджелудочная железа. Когда-то на заре молодости сорвал ее, питаюсь от случая к случаю, теперь мучается. Но он регулярно принимает лекарства, поэтому особых хлопот болезнь ему не доставляет.

– Ясно. Значит, записка находилась в наружном кармане, – напомнила я, на чем остановился Кусков. – Какая из них?

– Вот эта, на которой лес нарисован, – указал Кусков на одну из записок.

– Ручка есть? – спросила я.

Кусков достал из нагрудного кармана пиджака шариковую ручку, щелкнул кнопкой, выпуская стержень, и протянул ее мне. Я пририсовала в углу листа малюсенькую единичку. Кусков одобрительно кивнул и продолжил:

– Когда я спустился вниз, то решил рассмотреть послание повнимательнее. Сам рисунок меня не особо взволновал, а вот слова, приписанные внизу, не понравились. Ведь и ослу понятно, что это явная угроза. Я стал вспоминать, кто имел доступ к багажу Петра Аркадьевича, но так и не смог вычислить того, кто мог подсунуть листок. И тогда я решил, что это чья-то глупая шутка. Бывают такие придурки, прошу прощения за мой французский, которые любят подобные приколы. Кто-то из числа гостиничного персонала. Или же работники аэропорта. У них к багажу свободный доступ.

– Но потом вы изменили свое мнение, – утвердительно проговорила я.

– Да. Когда появилась следующая записка, – подтвердил Кусков. – Ее Петр Аркадьевич обнаружил спустя два дня. На этот раз послание было найдено в бардачке его личного авто. Петр Аркадьевич нечасто пользуется этой машиной, только если желает проветриться. Ездит на ней обычно один. В этот день он решил проехаться по окрестностям. Велел мне сидеть в офисе. Это против правил, но вы же понимаете, кто платит, тот и музыку заказывает. Я остался в офисе. А через полчаса прикатил Петр Аркадьевич и предъявил мне новое послание.

– Показывайте, какое? – потребовала я.

Кусков указал на листок, я поставила в уголке номер и приготовилась слушать продолжение. Кусков не заставил себя ждать.

– В этот раз он сердился гораздо больше, чем в первый, – сообщил он, имея в виду своего шефа Петра Аркадьевича. – Кричал на весь офис. Грозился расправой. Расправиться он собирался, естественно, со мной. Хотя понять его можно. Одно дело – обнаружить записку в

кармане чемодана, который хватали все кому не лень, и совсем другое дело, когда непонятные послания находишь чуть ли не в собственной кровати. Когда шеф пар спустил, я предложил провести проверку всех, кто имел доступ к гаражу и машине. По-тихому, без ажиотажа. Но Петр Аркадьевич категорически запретил делать это. Поостыл, да и плюнул на шутника. А что? Я человек подневольный. Велено не соваться с проверками, я и не суюсь.

– Но на этом история не закончилась, – подсказала я.

– Совершенно верно. Не закончилась. Прошел всего день, и несуразная писулька вновь всплыла, – подтвердил мою догадку Кусков. – На этот раз способ, которым она была доставлена, был настолько неожиданным, что Петр Аркадьевич и шуметь не стал, только посмеялся. Он вообще после третьей записки махнул рукой на шутника. Сказал, пусть позабавится. Видно, у него других развлечений в жизни нет. Я не был с ним согласен. Видите этот листок? На нем изображены не просто отдельные предметы. Тут прямо сюжет вырисовывается. Вам так не кажется?

Я вгляделась в рисунок. Какие-то человечки. Нечто, напоминающее кровать. И если я правильно поняла, бутылка. Надпись под каракулями оставалась все той же.

– И как же она попала к Петру Аркадьевичу? – уточнила я.

– Бабулька преподнесла, – улыбнулся Кусков. – Подошла к нему, когда он из ресторана выходил. Он в этом ресторане частенько обедает. Бабулька спросила, не он ли начальник, который стиральными порошками заведует. Петр Аркадьевич усмехнулся и подтвердил ее предположение. Тогда бабулька сунула листок ему в карман и заковыляла восвояси. Пока Петр Аркадьевич листок из кармана выудил, пока развернул и рассмотрел, что на нем, бабульки и след простыл. Я возле машины стоял, сразу не разобрал, что там у Петра Аркадьевича происходит. А когда он мне записку показал, погоню за бабулькой снаряжать было поздно.

– И вы даже не попытались ее остановить? – удивилась я.

– Петр Аркадьевич не велел, – пожал плечами Кусков. – Бабулька его окончательно убедила в том, что намерения у шутника несерьезные. Кто ж из солидных противников станет прибегать к подобному способу передачи угроз? Так Петр Аркадьевич решил.

– Как знать? Быть может, этот недоброжелатель слишком хитер, и он рассчитывал именно на такое отношение Вдовина, – предположила я.

– Вот и я ему так сказал, а он – «не бери в голову, не бери в голову», – ворчливо признался Кусков.

– С тремя посланиями разобрались. Что с оставшимися двумя? – спросила я.

– Одну с почтой принесли. Прямо в приемную к Петру Аркадьевичу. А предпоследнюю мальчишка из рогатки выпустил. Догнать его, к сожалению, не удалось. Он на роликах был, улизнул. В толпе затерялся, – вяло проговорил Кусков.

– Где это произошло? Я имею в виду мальчишку, – пояснила я.

– Да недалеко от офиса. У нас на противоположной стороне парк, там парнишка и прогуливался. А когда Петр Аркадьевич в машину садился, он поближе подъехал, стрельнул комочком бумажным и был таков, – объяснил Кусков.

– Да уж, способы запугивания действительно странные. Наводит на мысль о розыгрыше, – протянула я. – Такую версию вы лично не рассматривали?

– Больно затянувшийся розыгрыш, – с сомнением в голосе произнес Кусков. – Кому это надо? Не первое апреля, в конце концов. Да и у Петра Аркадьевича давно уже нет таких приятелей, чтобы подобным образом развлекаться.

– Ладно. Подумаю, стоит ли ваше дело серьезного отношения, – заявила я, вставая. – Записки я у себя оставляю, если вы не возражаете. Как мне с вами связаться?

Кусков нацарапал номер телефона на клочке бумаги, протянул его мне и сказал:

– Звоните в любое время. Только сильно не затягивайте. Что-то мне подсказывает, что ничего хорошего из этого розыгрыша не выйдет. А мне работу терять не хочется. Кто в случае

чего под раздачу попадет? Естественно, я. Надеюсь, вам удастся убедить Петра Аркадьевича принять угрозы всерьез.

– Для начала мне бы самой в их серьезность поверить, – протянула я. – А то после вашего рассказа как-то особо страшно не стало. Бабульки, мальчишки, посыльные... Кто бы ни затеял игру с Вдовиным, на быструю реакцию он не рассчитывал.

Кусков тяжело вздохнул, поднялся со скамейки и, обреченно махнув рукой, не прощаясь, пошел прочь от кинотеатра. Я смотрела ему вслед, пытаюсь разобраться в собственных ощущениях. Хотя я и сказала, что рассказ меня не впечатлил, на самом деле это было не совсем так. Что-то во всей этой истории меня зацепило. Я пока не могла сказать, что именно, но уже знала, что предстоящим вечером скучать мне не придется. Надо только придумать, как поскорее оказаться дома, не обидев при этом Светку. Свернув записки трубочкой, я пошла в кинотеатр.

* * *

С модной тусовки я ушла почти сразу после того, как вернулась в банкетный зал. Светка вовсю флиртowała со своим Никитой, поэтому известие о моем уходе восприняла благосклонно. Я не стала искушать судьбу и незамедлительно вызвала такси, которое и доставило меня прямо до подъезда. Часы показывали четверть десятого, когда я, вооружившись лупой и чашкой ароматного кофе, приступила к изучению посланий шутника, как, с легкой руки Кускова, я стала называть автора записок.

На первый взгляд впечатление складывалось такое, что кто-то не особо умный решил разыграть директора Химкомбината. Странные рисунки наводили на мысль, что рисовал их ребенок. Причем ребенок этот не особо преуспел в художественном творчестве. На каждом рисунке были изображены различные предметы. Принцип расположения их на листе бумаги понять было трудно. По крайней мере на данном этапе.

Послания были написаны на листах в клеточку. Размер листов и размер клетки позволяли предположить, что вырваны они из блокнота. Тетрадный лист имеет более крупную клетку, а ровный край с трех сторон не оставлял сомнений в том, что срезаны они механическим образом. Ножницами такой ровный срез ни за что не сделаешь. Особо много мне это не давало, так как никакого логотипа, какие обычно встречаются в блокнотах, изготовленных специально для определенных организаций, на листах не было. Однако логотип могли запросто срезать, если он располагался по верхнему краю листа.

Все рисунки были сделаны обычной шариковой ручкой. Явно не из дорогих, так как в нескольких местах ручка отказывалась писать, и ему приходилось прорисовывать по одному и тому же месту несколько раз. Так делают только тогда, когда требуется расписать ручку.

Если рисунки менялись, то угрожающая надпись повторялась слово в слово. Но и она не проливали свет на то, насколько серьезно настроен автор записок. Банальная фраза, явно позаимствованная из плохого гангстерского фильма. Что задолжал? Кому? И как должен вернуть? Непонятно. Сомнения в серьезности угроз вызывало и то обстоятельство, что записки приходят уже неделю, а никаких действий не предпринимается. Если уж кто-то решил угрожать, то должен на деле доказать, что ограничиваться писульками не намерен. А в жизни Петра Аркадьевича, насколько я знаю, ничего трагического за этот период не произошло. К чему тогда этот фарс? Шутка?

Но мне почему-то так не казалось. В одном Кусков бесспорно прав: для розыгрыша ситуация слишком затянулась. Пять посланий за семь дней. Шутник давно бы уже себя проявил. Ведь задумал он этот розыгрыш для того, чтобы стало весело. Грубо говоря, чтобы поржать. Но над Петром Аркадьевичем никто из его окружения не смеется, да и с ним вместе тоже. В чем тогда прикол? Стоять за углом и подхихикивать? Опять нет. Смеяться можно было тогда, когда Вдовин носился по офису и грозил расправой своему телохранителю. А если предмет

розыгрыша не реагирует, то и смеяться не над чем. Приколист давно потерял бы к предмету розыгрыша интерес. Нет реакции, значит, шутка не удалась. Однако кто-то упорствует.

Вывод один: записки написаны не ради веселья. А раз так, тебе, Танюша, придется попотеть, разбираясь в запутанной истории. И без виновника шумихи мне уж точно не обойтись. Но к моменту встречи у меня должно быть что-то более существенное, чем собственные ощущения. Что-то такое, с чем можно обратиться к Вдовину. Я должна найти такие аргументы, которые заставят делового человека взглянуть на ситуацию под другим углом.

У меня есть верный способ повысить собственную уверенность. Я вытянула заветный мешочек с двенадцатигранниками. В результате нехитрых манипуляций я получила четкий ответ: « $15+25+10$ – внезапно окажетесь в чрезвычайных обстоятельствах. Внимание, как бы не было беды!» Что еще нужно? Все предельно ясно. Вдовина ждут неприятности. Может, даже больше, чем неприятности. Беда – понятие весьма растяжимое. Следовательно, я должна попытаться вычислить шутника до того, как он перейдет от угроз к действию.

Главный вопрос на повестке дня – где искать этого самого шутника? С чего, собственно, все началось? С командировки Вдовина. Надо, кстати, выяснить, что за город посетил Петр Аркадьевич и не бывал ли он там раньше. Возможно, ноги нашей шутки растут именно оттуда. Это вполне правдоподобно. Допустим, Вдовин приехал в город N. Не ожидая подвоха, заселился в гостиницу. И там его увидел некто, кто был знаком с ним раньше. Тот, кто считает, что Вдовин ему задолжал. Этот некто решает воспользоваться ситуацией и припугнуть должника. Сделать это в открытую он по каким-то причинам не может. Как он поступает? Придумывает способ лишить Вдовина спокойствия. Рисует непонятную картинку, приписывает банальную угрозу и ждет, что из этого выйдет. Но Вдовин послание не находит. Он уезжает, и недоброжелатель следует за ним. Оказавшись в родном городе Вдовина, недоброжелатель решает продолжить изводить его. И способ не меняет. Он плохо ориентируется в чужом городе. У него здесь нет знакомых и каких бы то ни было завязок. Поэтому для вручения послания он пользуется таким странным способом. То бабулька, то мальчишка. Единственное исключение – личный автомобиль Вдовина. Возможно, незадолго до появления записки машина была в сервисе, тогда недоброжелатель мог под благовидным предлогом попасть на территорию сервиса и подложить послание в бардачок. Только вот непонятно, чего он хочет этим добиться? Или будут новые послания, с конкретными требованиями? Пока на этот вопрос ответить сложно. В настоящий момент практически невозможно понять, чего добивается шутник. И все мои выкладки – не более, чем гадание на кофейной гуще.

С таким же успехом шутником может быть кто-то из конкурентов Вдовина. Или недовольный сотрудник, уволенный из фирмы и считающий данный акт незаслуженным. Или оскорбленная любовница, брошенная ради более молодой и перспективной пассии. Вариантов масса, а так как о Петре Аркадьевиче мне практически ничего не известно, ни в плане бизнеса, ни в плане личной жизни, двигаться дальше ни в одном из направлений я в данный момент не могу. Зато я могу попытаться расшифровать записки. Если в них вообще что-то зашифровано.

Время давно перевалило за полночь, а я все сидела в своей уютной квартире, обложившись со всех сторон странными посланиями неизвестного шутника. Мои полночные труды не пропали даром. Я обрела уверенность, что рисунки содержат в себе смысл, какими бы бессмысленными они на первый взгляд ни казались. И еще я была почти уверена в том, что зашифровано во втором и пятом послании. Последняя записка давала мне надежду на благоприятный исход беседы с Петром Аркадьевичем, потому что в ней содержалась прямая угроза его жизни. На это я и буду делать ставку в завтрашней беседе. Удовлетворенная результатами, я отбросила записки в сторону и спокойно уснула.

Глава 2

Ровно в десять утра я стояла перед административным зданием Химкомбината в ожидании Андрея Кускова. За час до этого мы созвонились, и я выложила ему результаты своего ночного бдения. Кусков предложил приехать в офис и попытаться совместно уговорить Вдовина начать поиски шутника. Пять минут спустя Кусков вышел на крыльцо.

– Доброе утро. Как настроение, боевое? Петр Аркадьевич у себя. Я не стал заранее предупредить его о вашем приходе. Думаю, будет лучше застать его врасплох, – поздоровавшись, сообщил Кусков.

– Не будем терять время, – поторопила я его. – Ведите меня к Петру Аркадьевичу. На месте разберемся.

Мы поднялись на шестой этаж. Перед дверью кабинета Вдовина образовалась очередь из шести человек. Игнорируя присутствующих, Кусков провел меня в приемную. Там за внушительных размеров столом восседала дородная матрона. Увидев Кускова, она приветливо заулыбалась, но как только разглядела меня за его спиной, улыбка тут же слетела с ее лица. Грозно сдвинув брови, она жестом остановила нас и зычным голосом поинтересовалась:

– И куда это вы собрались? Петр Аркадьевич не предупредил, что ждет посетителей. Опять самовольничаем?

Последний вопрос был обращен к Кускову. Ничуть не смутившись, он широко улыбнулся и примирительно произнес:

– Нонна Владимировна, это же со мной. Петр Аркадьевич в курсе. Наверняка он и вам говорил, только вы запамятовали.

Пока секретарша соображала, что это она «запамятовала», Кусков распахнул внутреннюю дверь, протолкнул меня вперед и, войдя следом, быстро захлопнул ее за собой. Оказавшись в кабинете, я огляделась. За столом, не менее внушительных размеров, чем сам кабинет, сидел мужчина совершенно обыкновенной наружности. Средний рост, средний вес, среднее телосложение и такая же усредненная внешность. Прямо глазу зацепиться не за что. Низко склонив голову над бумагами, мужчина что-то быстро писал. Сделав шаг вперед, Кусков негромко кашлянул, привлекая внимание хозяина кабинета. Тот оторвался от своего занятия и, выгнув брови домиком, вопросительно взглянул на телохранителя. Тот прочистил горло, набираясь смелости, и произнес:

– Петр Аркадьевич, тут к вам Татьяна Александровна, – и, помолчав, добавил, будто это все объясняло: – Иванова.

– Решили совместить обязанности телохранителя и личного секретаря? – шутливо проговорил Вдовин.

Голос у него был что надо! Низкий, бархатный, чисто мужской. «Ну, хоть здесь его природа не обделила», – усмехнувшись про себя, подумала я.

– Доброе утро, Петр Аркадьевич, – перехватив инициативу, произнесла я. – Не сердитесь на Андрея. Собственно, это была моя идея явиться без предварительного звонка. Дело в том, что у меня были серьезные опасения насчет того, что позвони я заранее, вы откажетесь беседовать со мной. А этого я допустить никак не могла.

– Интересное начало. Впечатляющее, – спокойно сказал Петр Аркадьевич. – Позволено ли мне будет полюбопытствовать, чем вызван интерес к моей персоне?

– Законное желание, – в тон ему ответила я. – Если не возражаете, начну с предыстории. Вчера мне позвонил мой давний знакомый. С просьбой помочь разобраться в одном запутанном деле. Дело в том, что я частный детектив. Запутанные истории как раз по моей части. Я пообещала помочь, поэтому я здесь.

– Догадываюсь, о чем идет речь, – сухо произнес Петр Аркадьевич. – Вынужден вас огорчить, в такого рода помощи я не нуждаюсь. Вы напрасно потратили свое время.

– Я так не думаю, – парировала я. – Вчера у меня состоялась беседа с вашим телохранителем. После этого я несколько часов потратила на то, чтобы понять, стоит ли вам и ему обращать внимание на события, произошедшие за последнюю неделю. И пришла к выводу, что послания, которые вы получили, игнорировать было бы недальновидно.

– Послушайте, как вы сказали, Татьяна? – Вдовин сделал вид, что не запомнил моего имени. – То, что вы держите слово и не оставляете без внимания просьбы старых друзей, это, конечно, похвально. Но мне ваша помощь не нужна. Я ясно выразился? А с тобой я после разберусь.

И Петр Аркадьевич ткнул пальцем в сторону Кускова. Тот втянул голову в плечи, но взгляд шефа выдержал. И не сказал ни слова. Пришлось снова вмешиваться мне:

– Вы напрасно сердитесь на Андрея. Быть может, выглядит это не совсем красиво, обращаться к частному детективу вопреки воле работодателя, но действовал он из лучших побуждений, – попыталась я заступиться за Кускова.

– Благими намерениями вымощена дорога в ад. Вы что-то об этом слышали? – язвительно проговорил Вдовин.

– Несомненно. Но к данному случаю это не относится. Если вы дадите мне ровно пять минут, я аргументирую свое заявление, – игнорируя тон Вдовина, предложила я.

– Только из уважения к вашему полу, – демонстративно глядя на наручные часы, разрешил он. – Время пошло.

– Есть пять записок, – не тратя драгоценные минуты попусту, начала я. – В них имеется расплывчатое требование о возврате долга и недвусмысленное предупреждение о том, что того, кому они предназначены, ожидают неприятности. Но не это главное. Важно не то, что написано, а то, что нарисовано. Я расшифровала два из пяти посланий. Пока только два, так как времени было мало. Так вот, в последнем письме содержится явная угроза вашей жизни. Хотите взглянуть на это письмо?

Петр Аркадьевич промолчал, из чего я сделала вывод, что он не возражает. Я выудила из сумочки все пять записок, отыскала нужную и положила перед Вдовиным. На листке был изображен человек. Было понятно, что это мужчина. Правая рука была прижата к груди. На заднем фоне был изображен лес. А вот в лесу небольшое затемнение. Я поднесла к затемнению лупу. В увеличенном виде затемнение превратилось в стрелку. Самого стрелка как такового видно не было, а вот орудие преступления прорисовано было довольно четко. Причем не оставалось сомнений в том, что это огнестрельное оружие. И оно уже сработало. Неизвестный художник изобразил даже дымок над дулом. Ювелирная работа. Вдовин с интересом разглядывал картинку.

– Если перевести взгляд на фигуру мужчины, то можно разглядеть струйку крови между пальцами, – подсказала я.

– Ну и что? Думаете, я стану обращать внимание на подобные выходки? – оттолкнув от себя рисунок, произнес Вдовин.

– Вас попытаются убить. Застрелить, если быть точной. И произойдет это в том случае, если вы не отдадите то, что задолжали, – спокойно сказала я. – Или если не вычислите художника раньше, чем он начнет действовать. А действовать он начнет, в этом я не сомневаюсь.

Вдовин не испугался. Не разозлился. Не психанул. Вместо этого он громко, от души расхохотался. Смеялся Вдовин долго, пока слезы из глаз не потекли. Мы с Кусковым стояли напротив Петра Аркадьевича и ждали окончания истерики. Когда Вдовин немного успокоился, он решительно заявил:

– А теперь послушайте меня, мои дорогие опекуны. Эти письма не что иное, как психологические игры придурков, а на них я не собираюсь тратить ни время, ни силы, ни деньги.

Вы ведь не задаром работаете, верно, Татьяна Александровна? И работаете, как я понимаю, на совесть. Вот и записочки с лупой рассмотреть не поленились. Только пустое это все. Если кому-то приспичит меня убрать, кому-то действительно серьезному, он не станет тратить время на подобные шедевры. Он просто подложит бомбу мне под днище машины. Или подкараулит возле офиса и всадит очередь из автоматического пистолета мне в грудь. И для этого ему не нужно будет заманивать меня в лес. И маскироваться под чудаковатого шутника, подбрасывающего никчемные писульки, ему тоже будет ни к чему. Так что все ваши выкладки не стоят выеденного яйца. Я не подпишусь на поиски шутника, марающего бумагу. И уговорить меня не в ваших силах.

– А если предположить, что в данном случае действует непрофессионал? – сделала я новую попытку. – Если это дилетант? Как показывает практика, дилетанты порой бывают более опасными, так как просчитать их действия не всегда получается. А вреда нанести они могут ничуть не меньше профессионалов.

– Да бросьте вы! – перебил меня Вдовин. – Если это дело рук дилетанта, тогда мне будет достаточно простой охраны. Вон, Андрей на что? Он ведь должен меня оберегать от опасностей подобного рода, разве не за это я плачу ему?

– Именно это он и пытается сделать – защитить вас от шутника, отыскав его до того, как он успеет навредить вам, – заметила я.

– Пусть лучше свои непосредственные обязанности выполняет, а не по детективам бегают, – начал сердиться Петр Аркадьевич. – Чего доброго еще бабку притащит, порчу с меня снимать.

– Напрасно иронизируете, – устало произнесла я, поняв, что спор проигран. – Второе послание, которое я успела расшифровать...

Договорить мне Вдовин не дал. Поднявшись во весь свой неказистый рост, он указал рукой на дверь и безапелляционным тоном проговорил:

– Прошу вас покинуть кабинет. И впредь не возвращаться. Убирайтесь. Оба.

Что оставалось делать? Я послушно поднялась и направилась к выходу. Кусков следовал за мной.

– И писульки свои заберите, раз уж они вам так дороги, – бросил вдогонку Вдовин.

Кусков вернулся, взял листок и, не глядя на Петра Аркадьевича, вышел из кабинета. Я же задержалась и, стоя в дверях, посоветовала:

– На вашем месте я порекомендовала бы вашему водителю внимательнее осматривать автомобиль, прежде чем куда-то отправляться. Колесо, нарисованное на первом послании, не сулит вам приятных поездок.

После этого я вышла. В приемной нас встретила секретарша. Мне показалось, что она подслушивала под дверь. Лицо ее выражало осуждение. Естественно, осуждала она Кускова. Тот отмахнулся от ее взгляда и прошел к лифту.

– Не расстраивайтесь, – коснувшись его плеча, произнесла я. – Возможно, он еще переживает.

– А если нет? Мне-то что делать прикажете? Пули ждать? – обреченно проговорил Кусков. – Ходить и озиаться, не затаился ли за углом наш шутник с пистолетом?

– Вы можете отказаться охранять Вдовина, – предложила я.

– Угу, и остаться без средств к существованию? – хмыкнул Андрей.

– Ну, на Вдовине свет клином не сошелся, – возразила я.

– Может, и так. Только после того, как я его оставлю, меня ни в одно приличное место охранником не возьмут. Кому нужен трусливый охранник? Разве что в супермаркет, авоськи старичков трясти да шпану за руку ловить, когда они шоколадный батончик за тридцатку стырят.

На крыльце мы еще какое-то время постояли, расстроенные неудачей. Кусков вернул мне записку, сказав, что ему она теперь без надобности. Я положила ее обратно в сумочку, попрощалась и уехала. Когда я отъезжала от здания, Кусков все еще стоял на крыльце, размышляя над своей безрадостной судьбой.

* * *

Следующие три дня я потратила на то, чтобы выкинуть из головы историю с записками. Но, как ни старалась, удавалось мне это с трудом. Чем бы я ни занималась, мысли поневоле возвращались к злополучному шутнику. Что ему нужно от Вдовина? Чего он хочет добиться своими посланиями? Денег? Тогда почему не заявит об этом в открытую? И как он собирается заставить Вдовина выполнить свои требования, если даже не выдвигает их? Верни то, что задолжал. Хорошенькое дело. Как Вдовин должен сделать это, если даже не знает, кому вернуть должок? Или речь идет не о деньгах? Тогда о чем? Просто голова кругом. Одни вопросительные знаки и ни одного конкретного предположения.

За это время я ни разу не позвонила Вдовину. Да и чего ради? Он четко дал понять, что в услугах моих не нуждается. Не навязываться же ему в самом деле! Кусков тоже не проявлялся. Только Николай Емельянович сделал робкую попытку принести извинения за напрасное беспокойство, передав с посыльным обещанные пятьсот долларов. Моя подруга Светка всюю крутила роман с помощником режиссера, неизвестно по каким причинам задержавшимся в Тарасове, в то время как вся съемочная группа в полном составе отбыла в столицу. Благодаря этому я была предоставлена самой себе и у меня было до омерзения много свободного времени. Как назло, на горизонте не вырисовывался ни один клиент, обремененный деньгами и личными проблемами. Вот и получалось, что заняться мне было абсолютно нечем, кроме как размышлять над мотивами, заставившими шутника подбрасывать записки директору Химкомбината.

На четвертые сутки, когда степень моего неудовлетворенного любопытства дошла до крайнего предела, позвонил Кусков.

– Началось, – произнес он одно-единственное слово, и в трубке повисло тягостное молчание.

– Ну, – в нетерпении поторопила я его. – Выкладывайте, что началось?

– Похоже, наш шутник начал действовать, – пояснил Кусков. – Вчера со стоянки при комбинате угнали машину Петра Аркадьевича.

– Да ну, – только и смогла проговорить я.

– Ну да, – «лаконично» ответил Кусков и снова замолчал.

– Подробности, – потребовала я.

– Помните, вы предупреждали Петра Аркадьевича, чтобы он внимательнее следил за своей машиной? Так вот, ваше предсказание сбылось. Вчера Петр Аркадьевич приехал в офис на личном авто. Машина простояла на стоянке возле входа целый день, а когда он, как всегда, собрался прокатиться по окрестностям, то не обнаружил ее на привычном месте. Машина испарилась. Ни охранники на вахте, ни сотрудники офиса не заметили, кто и когда увел машину, – прорвало Андрея. – Петр Аркадьевич рвет и мечет. Полиция разводит руками. А я снова оказалась крайним.

– Вы-то тут при чем? – переспросила я.

– А ни при чем. Просто под горячую руку попал, напомнив содержание одной из записок, – сердито произнес он. – Я сказал Петру Аркадьевичу, что мы его предупреждали, что одними записками шутник не станет довольствоваться, а он отмахнулся от предупреждения. И вот результат. Но он, конечно, и слышать о записках не желает.

– Почему вы решили, что угон машины связан с записками? – отыскивая послание, на котором было изображено колесо, спросила я.

– А вы думаете по-другому? – удивился Кусков. – Мне казалось, что вы пришли к такому выводу раньше меня. Иначе зачем было предупреждать Петра Аркадьевича?

На самом деле об угоне я даже не думала, но убеждать в этом Кускова не было никакого смысла. В настоящий момент меня больше волновало второе послание. Если я верно расшифровала его, то следующий ход шутника будет посерьезнее угона машины. По моим предположениям, в ближайшее время Петра Аркадьевича ждал пожар. Единственное, в чем я не была уверена, так это в месте пожара. За несколько дней я успела выяснить, что Вдовин владеет довольно большим количеством недвижимости. Две городские квартиры. Загородный дом-дача. И рыбацкий домик в двухстах километрах от Тарасова. Какой из объектов недвижимости вспыхнет, из послания понять было абсолютно невозможно. А Кусков заливался соловьем.

– И ведь обиднее всего, что я с самого начала убеждал его найти этого писаку и разобратся с ним. Но нет, Петру Аркадьевичу, видите ли, статус не позволяет реагировать на подобные выпады! А теперь, значит, Андрюша во всем виноват. А про охрану как будто все забыли. А я что, нанимался его тачку караулить? Я, между прочим, телохранитель. От слова «тело»! Мне до его машины вообще никакого дела нет.

– Послушайте, Андрей. Прекратите ныть и запоминайте, – остановила я поток жалоб. – Вы должны сказать Петру Аркадьевичу, что следующим шагом шутника станет поджог. Что именно он подожжет, я сказать не могу. Но это будет либо городская квартира Вдовина, либо его загородный дом. Не думаю, что шутник отправится за сто верст, чтобы подпалить рыбацкий домик. Пусть выставит охрану возле всех объектов недвижимости. Быть может, так удастся избежать новых неприятностей. А если повезет, то и шутника поймать.

– О нет! Только не это. Он меня и слушать не станет, – вскричал Кусков. – Это должны сделать вы. Если вам не удастся его убедить, то уже никому не удастся.

– Вы забыли, что в прошлый раз он выставил из своего кабинета не только вас? – напонила я.

– Ничего я не забыл. Только все равно к вашим словам он скорее прислушается, – убеждал Андрей. – Вы не можете стоять в стороне. А вдруг шутник и вправду подожжет квартиру Петра Аркадьевича? А она, между прочим, в многоквартирном доме. Только на одной лестничной клетке четыре квартиры. Это не считая соседей сверху и снизу. Что, если огонь перекинется к ним? Ведь могут пострадать невинные люди.

На это возразить мне было нечего. Допустить, чтобы из-за беспечности одного человека страдали другие, я не могла. Придется, видно, сделать вторую попытку, а уж если и она закончится провалом, тогда можно будет с чистой совестью умыть руки и забыть о Вдовине и его неприятностях.

– Хорошо. Я попытаюсь, – проговорила я и дала отбой.

Пока я собиралась на встречу с Петром Аркадьевичем, успела поразмышлять над произошедшим. У Вдовина был угнан личный автомобиль. Не служебная машина, как можно было предположить, увидев послание. Кусков сказал, что увели авто с парковки у административного здания комбината. Обычно машина стоит в другом месте, у офиса появляется не так часто. Что из этого следует? А то, что шутник следил за Вдовиным, вот что! И не начинал действовать он только потому, что выжидал подходящего момента. Вот и дождался. Если шутник намерен продолжать слежку, то охрана недвижимого имущества Вдовина просто необходима. Шутник будет ждать удобного случая, а охрана будет ждать шутника. Это наиболее удобный момент, чтобы поймать любителя розыгрышей, пока он не заигрался. Осталось убедить в этом Вдовина, и дело в шляпе.

* * *

Увы, сделать мне этого не удалось. Напрасно я спешила в офис Химкомбината. Напрасно хитрила, стараясь уговорить охранника при входе пропустить меня в здание. Напрасно изошлась в красноречии, убеждая Петра Аркадьевича в серьезности угроз шутника. На все мои доводы он лишь усмехался. В конце концов он заявил, что угон машины не что иное, как досадное совпадение, и если мое предположение по поводу поджога окажется верным, тогда он не просто наймет меня для разоблачения шутника, но и повысит мой гонорар втрое против обычного. На этом наша аудиенция завершилась. Мне пришлось уйти, так и не добившись от Вдовина заверений, что за его недвижимостью будет установлено круглосуточное наблюдение.

А еще через сутки Вдовин позвонил сам. Голос в трубке звучал без привычного уже сарказма.

– Татьяна Александровна, жду вас у себя через час. Успеете добраться? – без предисловий произнес он.

– Что-то случилось? – поинтересовалась я.

– Я так понимаю, новости вы не смотрели, – заметил Вдовин.

– Еще не успела, – призналась я, взглянув на часы и отметив, что стрелки едва-едва перешагнули за десять.

– Включите телевизор. Сами все поймете, – бросил Вдовин и, не прощаясь, отключился.

Я взяла в руки пульт и отыскала канал, по которому обычно транслировали местные новости. Успела я как раз вовремя. Репортаж о ночном происшествии в пригороде Тарасова только-только начался. Молоденькая журналистка вещала на фоне тлеющих головешек.

– Мы ведем репортаж с места происшествия. Сегодня, около трех часов ночи, в районе Дубков злоумышленники подожгли дом по улице Ламповой. Буквально за считанные минуты огонь охватил весь нижний этаж здания. Соседи не сразу поняли, что происходит, так как в это время все добропорядочные граждане мирно спят в своих домах. Когда же один из соседей сообразил вызвать пожарную бригаду, огонь распространился уже и на второй этаж. Пожарная бригада приехала через двадцать минут, но спасти здание было уже невозможно. Единственное, что смогли сделать пожарные, это не дать огню перекинуться на соседние здания. По словам соседей, дом принадлежал одному из известных бизнесменов нашего города, а именно директору тарасовского Химкомбината Петру Аркадьевичу Вдовину. К счастью, ни самого владельца дома, ни его домочадцев в здании в момент пожара не было, поэтому удалось избежать человеческих жертв. Нам стало известно, что пожарная бригада квалифицировала возгорание как намеренный поджог. На этот раз полиция солидарна с сотрудниками пожарной охраны. По факту поджога возбуждено уголовное дело. К сожалению, нам не удалось пообщаться с хозяином сгоревшего дома. От комментариев Петр Аркадьевич отказался. Компетентные органы считают, что поджог мог стать следствием разногласий директора Химкомбината с конкурентами по бизнесу. Однако не исключается возможность намеренного поджога с целью получения страховки со стороны самого владельца особняка. Есть мнение, что финансовое положение господина Вдовина в последнее время оставляет желать лучшего. Может быть, поэтому господин Вдовин отказался общаться с представителями СМИ? Наша съемочная группа будет внимательно следить за развитием событий...

Я выключила телевизор, не дослушав репортаж. Все, что мне было нужно, я уже услышала, а сплетни и слухи меня в настоящий момент не интересовали. Наскоро одевшись, я бросила в сумочку записки шутника и отправилась на встречу с Петром Аркадьевичем. В вестибюле меня поджидала Нонна Владимировна, секретарша Вдовина. Завидев меня, она яростно замахала рукой, будто я могла не заметить ее и проскочить мимо.

– Доброе утро, Нонна Владимировна, – подходя ближе, поздоровалась я.

– Смейтесь? – вместо приветствия сердито буркнула она. – Пойдемте. Петр Аркадьевич велел не задерживаться. Он уже и так целый час потерял, дожидаясь вас.

«Ну вот. Засуетились. Вовремя, ничего не скажешь», – невесело подумала я, следуя за Нонной Владимировной к лифту. Пока поднимались на шестой этаж, секретарша Вдовина не проронила ни слова. Только взгляды косые на меня бросала, будто это я была виновницей неприятностей ее шефа. Как только двери лифта открылись, Нонна Владимировна рванула к кабинету, не замечая никого и ничего на своем пути. В приемной она обернулась-таки назад – удостовериться, что я следую за ней. Серdito бросив на ходу требование не отставать, она распахнула дверь в покои шефа и зычным голосом оповестила:

– Она прибыла, Петр Аркадьевич. Прикажете никого не пускать?

– Спасибо, Нонна Владимировна, – спокойно проговорил Вдовин, выходя из-за стола. – Вы правильно поняли. Меня ни для кого нет. Все встречи переносите на вторую половину дня. А лучше на завтра.

Нонна Владимировна наградила меня очередным сердитым взглядом и, аккуратно прикрыв за собой дверь, удалилась. Вдовин поприветствовал меня рукопожатием. Я была несколько обескуражена разительными переменами в его поведении. Видно, ночное происшествие порядком выбило Петра Аркадьевича из колеи.

– Спасибо, что приехали. Признаться честно, я не был в этом уверен, – разоткровенничался Вдовин. – Новости успели посмотреть?

– Если вы о пожаре, то я в курсе, – ответила я. – Что собираетесь с этим делать?

– Я хочу, чтобы вы нашли того, кто поджег мой дом, – сказал он. – Нашли и доставили ко мне.

– Желаете поиграть в игру «Праведный судья»? Простите, но это без меня, – произнесла я. – Если я и возьмусь за это дело, то только на своих условиях.

– И каковы же они? – вынужден был поинтересоваться Вдовин.

– Для начала я хотела бы узнать ваши планы, – вместо ответа проговорила я. – Вы, наконец, поняли, что записки с угрозами заслуживают пристального внимания, так же как и их автор?

– При чем здесь записки? – искренне удивился Петр Аркадьевич.

– Разве вы не ради этого вызвали меня? – в свою очередь удивилась я.

– Конечно, нет. Мой дом сгорел. Полиция считает, что это не случайное самовозгорание проводки или нечто подобное. Пожарная бригада с ними солидарна. Один из пожарных прямо так и сказал: ищи шустрого поджигателя. Переговорил с участковым, он честно признался, что силами полиции поджигателя вряд ли найдут. Когда в городе ежедневно совершаются гораздо более серьезные преступления, ни один начальник не станет заставлять подчиненных лезть из кожи вон ради поимки хулигана, решившего свести счеты с толстосумом. Вот мне в голову и пришло воспользоваться услугами частного сыска. А так как вы единственный знакомый мне детектив, вполне естественно, что позвонил я именно вам, – объяснил Вдовин.

– Значит, я здесь для того, чтобы... – начала я.

– Вы здесь для того, чтобы отыскать негодяя, решившегося посягнуть на мою собственность, – перебил меня он.

– Не пойдет, – откидываясь на спинку стула, произнесла я.

– В каком смысле? – не понял Вдовин.

– В прямом. Я не стану искать поджигателя, если вы не планируете разобраться в причине возникновения странных записок. Дело в том, что я убеждена, что и угон машины, и поджог дома связаны с записками. Чтобы выяснить имя поджигателя, мне нужно будет разбираться и с записками, и с угоном. Точнее сказать, бесцеремонно копаться в вашей жизни. Без вашего содействия я сделать этого не смогу. Следовательно, не смогу и поручение ваше выполнить. Есть хлеб даром, как вы правильно заметили во время нашей первой беседы, я не привыкла.

Поэтому предупреждаю сразу: либо мы разбираемся в этом деле досконально, либо я вынуждена вам отказать. Это и есть мое условие. Хотите – принимайте. А на «нет»...

– Опять вы за свое. Дались вам эти записки, – в сердцах бросил Вдовин. – У меня реальные проблемы, а вы о психопатах печетесь.

– Или так, или никак, – повторила я.

– Хорошо. Предлагаю компромисс. Я обещаю ответить на все ваши вопросы и предоставить любую информацию, которая, по вашему мнению, сможет помочь в расследовании. Вы, в ответ на мою откровенность, обещаете найти поджигателя. Каким образом вы этого добьетесь, меня не касается. Вы мне имя злоумышленника, я вам гонорар. Как и обещал, в трехкратном размере. Идет? – Вдовин наблюдал за моей реакцией, стараясь угадать, каков будет ответ.

– И даете согласие выполнять мои рекомендации относительно других записок? – спросила я. – Таким образом мы сможем предотвратить новые неприятности.

– Там видно будет, – не желая так легко сдавать позиции, уклончиво ответил он и перевел разговор на другую тему. – С чего начать собираетесь?

– С допроса, – пошутила я. – Готовы ответить на мои вопросы?

Вдовин кивнул, и мы приступили к беседе. Освободилась я только к двум часам. Все это время Петр Аркадьевич безропотно отвечал на мои вопросы, приглашал в кабинет тех сотрудников, взглянуть на которых я желала. Еще он звонил приятелям, знакомым, компаньонам и конкурентам, просил уделить мне аудиенцию. Надо признать, что Петр Аркадьевич добросовестно выполнял свою часть договора. Ни разу не вспылil. Ни разу не потребовал объяснений. Даже когда на лице его явственно читалось «А это-то тебе зачем знать?». Жутко довольная результатом беседы, я распрощалась с новым клиентом и направилась напрямик в полицию. Среди прочего Вдовин сообщил мне фамилию оперативника, приехавшего на осмотр места происшествия. Им оказался Вячеслав Бузов. К счастью, я его немного знала. Близкими друзьями мы не были, просто пару раз пересекались по работе, но я была уверена, что он не откажется от встречи со мной.

В здание отделения полиции я войти не успела. Только припарковала машину в разрешенном месте, как тут же увидела Славку Бузова. Неспешным шагом он направлялся в мою сторону. Взгляд у него был задумчивый и не особо радостный. «Как будто только что нагоняя от начальства получил», – улыбнулась я про себя. Включив сигнализацию, я двинулась Славке наперерез. Погрузившись в невеселые мысли, он меня не замечал. Только когда я, поравнявшись с ним, схватила его за руку, Бузов очнулся от своих дум и некоторое время смотрел на меня, не узнавая.

– Привет, Славка. Как жизнь? – обратилась я к нему.

– О, Татьяна, привет. Не ожидал тебя увидеть. Какими судьбами в наших краях? – обрадовался Бузов.

– Не поверишь, к тебе шла, – улыбаясь, призналась я.

– Правда, что ли? Так это нас судьба с тобой возле отдела свела. Сказать по правде, хорошо, что ты до дежурного добраться не успела. Сегодня в отдел лучше не соваться. Я сам и то подальше ноги уношу, – еще больше развеселился он.

– Начальство свирепствует? – сочувственно спросила я.

– Не то слово. Про поджог слыхала? Вот из-за этого и лютует. Директор Химкомбината – персона видная. Нашему подполковнику уже раз пятьсот сверху позвонили. «Резонансное преступление», видишь ли... Тоже мне преступление, хату в пригороде спалили. Вот на прошлой неделе пьяный водитель в маршрутное такси влетел, вот это преступление. Шесть трупов за раз, – разошелся Бузов.

– А я как раз по поводу этого поджога, – призналась я. – Побеседовать бы надо. Есть минутка?

– Вообще-то я обедать шел, – замялся Славка.

Было видно, что Бузову ужасно не хочется вести разговор о происшествии в Дубках, но как человек интеллигентный, открыто отказать мне он не может. Этим я беззастенчиво воспользовалась. Глядя в глаза Бузову невиннейшим из взглядов, я сделала предложение, от которого он никак не мог отказаться.

– А здесь за углом новое кафе открыли. Предлагаю туда завалиться. Я, если честно, тоже жутко голодная, – заявила я, хватая Славку под руку. – Заодно и поговорим.

Бузов обреченно вздохнул и поплелся в сторону кафе. По дороге мы болтали на отвлеченные темы. Я успела поинтересоваться здоровьем Славкиной жены, успехами пса-медалиста, которым Славка очень гордился. Полюбопытствовала, не появилось ли у него потомство. У Славки, естественно, не у пса. Славка охотно выкладывал новости, радуясь, что неприятный разговор откладывается.

В кафе он придирчиво выбирал блюда. Я же быстренько заказала себе сок и салат и приступила к расспросам.

– Ты ведь сам был на месте пожара, так? – начала я. – Каковы результаты осмотра? В новостях говорили, что ни у полиции, ни у пожарных нет сомнений, что дом подожгли намеренно. Это правда?

– К сожалению, именно так. – Славка, наконец покончил с выбором блюд. – Не пове-ришь, дом просто-напросто облили бензином и подожгли. Даже не попытались закосить под неисправную проводку. Главная версия – месть конкурентов Вдовина.

– Соседей опрашивали?

– Опрашивали. Все как обычно, никто ничего не видел, никто ничего не слышал. Поджигатель, кем бы он ни был, вел себя осторожно. И ведь как подгадал ловко. В эту ночь в доме никого не было. Сам хозяин ночует там нечасто, а вот садовник круглый год живет. За садом ухаживает и по совместительству дом охраняет. А в этот день он отпросился. К родственникам подался, то ли в Кострому, то ли в Коломну. Всего на три дня, представляешь? И именно в этот момент объявился наш поджигатель.

– Странное совпадение, ты не находишь? – поинтересовалась я.

– Что ж тут странного? Все просто. Тот, кто хотел таким образом Вдовину досадить, дождался удобного случая и, не медля, воспользовался им, – возразил Славка.

– Тогда этот некто должен быть достаточно близок к Вдовину, раз даже о внезапных переменах в его доме знает, – предположила я.

– Не обязательно. Возможно, у него был в запасе другой план. Отвлечь сторожа или вообще при нем пожар устроить. Может, он и не собирался дотла дом жечь. Отсутствие садовника, наоборот, все усложнило, только и всего, – снова возразил Бузов. – Соседи говорят, садовник временами за воротник закладывал. Может, поджигатель ждал, когда тот в запой уйдет, а тут вместо запоя отпуск наклюнулся.

– Значит, поджигатель должен был за домом следить. Причем не один день. В таком случае соседи должны были обратить на него внимание, – заметила я. – А ты утверждаешь, что никто из соседей никого постороннего возле дачи Вдовина не видел. Нестыковочка. Поджог дилетантский, а слежка профессиональная?

– Мы еще работаем над этим вопросом, – как на планерке у начальства, сухо ответил Славка.

– Слушай, а об угоне машины Вдовина ты знаешь? – повернула я разговор в другое русло.

– Доложили уже, – усмехнулся Славка. – Только это не по нашему ведомству. Это в Кировский РОВД. Они его автомобилем занимаются. А ты почему интересуешься? Думаешь, оба происшествия как-то связаны между собой?

– А у полиции такого предположения не возникло? – вопросом на вопрос ответила я. – Сначала с охраняемой стоянки угнали автомобиль Вдовина, потом подожгли охраняемый дом,

и все это как раз в тот момент, когда охрана «случайно» отсутствовала. Интересный факт, не так ли?

– Не знаю, я об этом еще не думал, – почесал затылок Славка. – У меня и времени-то не было как следует с делом ознакомиться. Я в пять утра домой вернулся, а в восемь уже на службе был. Текущих дел гора, а тут еще подполковник зверствует. Три дня срока дал с поджогом разобраться. Я ему что, фокусник, каждые два часа по одному делу раскрывать?

– Зацепок никаких? – понимая, что на этот вопрос могу получить только отрицательный ответ, все же спросила я.

– Абсолютно. Отправил двух оперов версию с разборками конкурентов отрабатывать. Вот вернутся, тогда и думать будем, – заявил Славка и вдруг, спохватившись, спросил: – А у тебя в этом деле что за интерес? Неужто Вдовин нанял? Я слышал, он вашего брата, частных сыщиков, не жалуется.

– Из каждого правила бывают исключения, – назидательно проговорила я и снова сменила тему. – Эксперты отчет уже составили? Мне бы взглянуть на него. Сможешь устроить?

– К пяти подъезжай, – не отказал Славка. – К этому времени и ребята подтянуться должны. Только уговор: баш на баш. Я тебе заключение экспертов и всю информацию, что ребята наруют, а ты мне все, что сможешь сама разузнать. Обоюдновыгодное сотрудничество, так сказать. Согласна?

– По рукам. Значит, до вечера? – ответила я и шутливо добавила: – Постарайся не попадаться на глаза подполковнику, а то сотрудничать не с кем станет.

Я оставила Славку в кафе расправляться с бифштексом, а сама села в машину и направилась в пригородный поселок Дубки – пообщаться с местным населением.

* * *

Разыскивать дом Вдовина в Дубках мне не пришлось. Стоило спросить первого попавшегося на пути местного жителя, где ночью был пожар, и он охотно указал направление. Вокруг обгоревшего дома все еще толпились любопытствующие. Это и не удивительно. В населенных пунктах, подобных этому поселку, развлечений не так много, поэтому шумиху вокруг пожара с приездом полиции и журналистской бригады можно было смело приравнять к гастролям поп-звезд. Успех был гарантирован даже больший: за билеты на концерт нужно платить деньги, а это шоу местные жители получили абсолютно бесплатно. Вот и не расходился народ в надежде дожидаться продолжения.

Я припарковала машину около соседнего дома и до вдовинского забора прошла пешком. Забор, как ни странно, почти не пострадал. Пожарные машины, по всей видимости, смогли проехать через просторные ворота, которые теперь были распахнуты настежь. Приглядевшись, я выбрала самую оживленную кучку зевак и тихонечко присоединилась к ним. Высокий мужчина в строительной робе яростно жестикулировал, завладев вниманием десятка односельчан.

– Вот и получается, что никто от беды не застрахован. А все почему, спросите вы? Так я вам отвечу: больно много толстосумов в Дубки понаехало. А им все нипочем. Один дом сгорел, они второй выстроят. На ворованные денежки чего не строить. А вот если бы огонь на мою хибару перекинулся, что тогда? Где бы я денег на новострой взял бы? То-то и оно, что нигде! И ковали бы мы с моей Наталкой под забором. А Вдовину, думаете, было бы до нас дело? Дал бы он мне денег на отстрой? А? Держи карман шире. Кукиш бы он мне ссудил. Без масла. Сразу забыл бы о том, как Иван ему крыльцо подправлял да стройматериалы караулил, пока он Силантыча из города не привез.

– Верно говоришь, Иван. Еще бы чуть-чуть, и остался бы ты без крыши над головой. Бомжевать с женой стали бы, – согласно кивая, поддержал мужчину седовласый старичок. – А Силантычу повезло. Будь он в доме, хана ему. Пожалела его судьба, от верной гибели уберегла.

– Ага, или он сам о себе позаботился. Не дожидаясь милостей от природы, – хохотнула грудастая женщина, облакачиваясь на черенок от лопаты, которую держала в руках.

– Это ты о чем, Валентина? Что-то не пойму я тебя, – развернувшись в сторону молодухи, проскрипел старичок.

– Да чего тут понимать-то? Валька думает, что это Силантыч дом поджиг, – вклинилась другая баба, стоявшая несколько в стороне от честной компании.

– Тьфу на вас, балаболки, – сплюнул старичок. – Неча разглагольствовать о том, в чем не разбираетесь. Силантыч еще загодя отпросился. Я сам свидетелем был. Когда тут все полыхнуло, он уж на полпути к своей исторической родине был.

– А ты его и на автобус провожал? Платочком, поди, махал? – не унималась Валентина.

– Платочком не махал, – обиделся старичок. – А вот Куликов с Походной улицы сам видел, как он билет покупал и на остановке терся. И Клавка-кассирша его слова подтвердила. Думаешь, полицаи у нас совсем безголовые? Они эту версию вперед всех проверили.

– Полицаи, дедуля, все в Отечественную повывелись, – рассмеялась Валентина. – Теперь наш покой полиция оберегает.

– Хрен редьки не слаще, – заулыбался старичок, поняв свою оплошность. – Хоть полицаи, хоть полицейские, все одно не наши.

– А наши, по-твоему, это кто? Милиция, что ли? – сердито проворчала женщина, что стояла поодаль. – По мне, так все они дармоеды. Думаешь, станут виновника наших ночных метаний искать? Вид сделают да и забудут.

– Тебе-то, Зой Васильна, какое расстройство? Твой, что ли, дом сгорел? – вступил в беседу Иван.

– А такое расстройство! – зло бросила женщина. – Что, если в наших краях маньяк объявился? Не станут его искать, а он завтра твою избу подожжет. Что тогда запоешь?

– Да с чего ему мою халупу палить? – опешил Иван. – Я что, банкир какой или нефтяной магнат?

– А может, ему понравилось на горящие здания глазеть? – продолжала стращать женщина. – Вот он и станет по очереди избы поджигать. Твоя, Иван, как раз следом стоит.

У Ивана так смешно вытянулось лицо, что вся компания рассмеялась. Только Ивану не до смеха стало. Он махнул на односельчан рукой и побрел к своей калитке, бурча себе под нос:

– Вот ведь заноза. Маньяка какого-то выдумала. Откуда ему тут взяться? Чай, не столица.

Я дождалась, когда Иван скроется за калиткой, и незаметно проскользнула следом. Услышав за спиной шаги, Иван оглянулся. Увидев меня, он сердито сдвинул брови и спросил:

– Вам чего, гражданочка?

– Я слышала вашу речь, обращенную к односельчанам. Хотела бы обсудить эту тему, если вы не возражаете, – быстро сообразила я.

– Журналистка, что ли? – поняв, что я не из местных, спросил он.

– Угадали. «Тарасовский вестник», – придумывала я на ходу. – Мы собираем материал для развернутой статьи. Рабочее название «Богатые тешатся, а бедные плачут». Так могу я рассчитывать на вашу помощь?

– Ну, проходите в дом. Не на улице же беседу вести.

Широким приглашающим жестом Иван указал на свое жилье. Я поднялась на крыльцо и вошла в дом. Хозяин следовал за мной.

Глава 3

В Дубках я пробыла три часа и за это время успела переговорить с таким множеством людей, что голова шла кругом. Но результат был практически нулевым. Кто-то видел в поселке бомжеватого вида мужика, явно не из местных. Кто-то слышал, как Силантьич гонял с участка пацанов, грозя сдать их в полицию за вторжение на частную территорию. Кто-то вспомнил, что за два дня до пожара в поселок приезжала тетка торговать свежими деревенскими яйцами. А соседка Вдовина Зоя Васильевна с пеной у рта доказывала, что в Дубках орудует маньяк и власти должны обеспечить круглосуточную охрану всем добропорядочным жителям, поскольку это их, властей, непосредственная работа.

О самом Вдовине мнения односельчан оказались противоречивыми. Одни говорили, что мужик он неплохой, хоть и из богатеньких. И дороги ремонтировать за свой счет не отказывается, и школу местную финансирует, и о ветеранах печется. Другие ругали Петра Аркадьевича на чем свет стоит, обвиняя во всех смертных грехах. Семьи не имеет, шалманы водит. Да и вообще скряга, каких свет не видывал. Что называется, снега зимой не выпросишь. О Вдовине поселковый люд говорил много и охотно, из чего я сделала вывод, что Петр Аркадьевич здесь что-то вроде местной достопримечательности. Посудачить можно и приезжим в качестве диковинки показать.

Поняв, что больше ничего не узнаю, я вернулась в Тарасов и направилась напрямик к Славке Бузову. Чтобы не светиться в отделе, вызвонила его по сотовому и ждала в машине, пока он освободится. Славка появился минут через двадцать. Выражение лица у него было довольное. Устраиваясь на пассажирском сиденье, он весь сиял.

– С чего такая радость? – невольно улыбаясь, спросила я. – В лотерею выиграл?

– Бери выше. Перед тобой, можно сказать, без пяти минут капитан, – бодро проговорил Славка.

– Ого, как переменчиво нынче настроение сотрудников полиции, – пошутила я. – Еще три часа назад переживал, как бы вообще без погон не остаться, а сейчас уже капитанские примеряешь?

– Есть от чего настроению перемениться, – заявил Славка. – Я, можно сказать, за три часа преступление раскрыл! За такое усердие хочешь не хочешь придется подполковнику расцедриться на новое звание.

– Поздравляю, – искренне поздравила я. – Домушника поймал или мокруху раскрутил?

– Поджигателя вычислил, – небрежно произнес он, а самого так и распирало от гордости.

Я представила себе, о чем он сейчас думает, и заулыбалась еще шире. Догадаться было несложно. Вот, мол, хваленый частный сыск с задачей не справился, а я, простой российский полицейский, разобрался в два счета. Я решила не разочаровывать Славку и утрированно радостно ахнула:

– Да неужели? Вот здорово! И арестовать уже успел?

– До ареста пока не дошло, – немного смутившись, признался он. – Но это вопрос времени.

– Не томи, Славочка, рассказывай, кто он, этот злоумышленник?

– Все оказалось намного проще, чем мы предполагали, – принялся просвещать меня Бузов. – Помнишь, я говорил тебе, что послал ребят отрабатывать конкурентов Вдовина? Так вот, по ходу опроса ближайшего окружения одного из конкурентов выяснилось, что некий Чекурин Владлен Германович неделю назад во всеуслышание грозился спалить все имущество Вдовина. Так и сказал открытым текстом: не пойдешь на уступки, все твои сбережения сгорят в одночасье. Вдовин угрозам значения не придал, на компромисс не пошел, вот Чекурин его дом

и поджег. Думаю, это было первое предупреждение. Если бы не своевременное вмешательство правоохранительных органов, остался бы твой клиент без крыши над головой.

– Интересно, – задумчиво произнесла я. – И что, Чекурин сознался? Вы его вообще допрашивали?

– Пока не удалось, – замялся Славка. – Чекурин якобы в отъезде. Так в его офисе сказали. Придумал командировку в Железноводск, вроде у него там филиал.

– Филиал чего?

– Чекурин этот – бизнесмен средней руки, торгует бытовой химией оптом и в розницу. У него сеть торговых точек в Тарасове и вроде еще в нескольких городах.

– А с Вдовиным они чего не поделили?

– Чекурин у Вдовина товар берет. Под реализацию, как мне доложили. И этот Чекурин сильно просрочил платежи. Вдовин приказал больше тому в долг товар не отпускать. А у Чекурина из-за этого торговля страдает. Он просил отменить приказ. Обещал к концу года все долги погасить, а Вдовин заартачился. Сказал, что Чекурин в его глазах доверие потерял и больше он с ним дел иметь не собирается. Ни в долг, ни за наличку. Вот такие вот финансовые страсти, – объяснил Славка.

– И этот самый Чекурин, по вашим данным, дом и поджег, – уточнила я. – И доказательства у вас имеются?

– А кто ж еще? – искренне удивился Бузов. – Да его угрозы человек двадцать слышали. Какие еще доказательства тебе нужны? Мотив есть, возможность есть – все в наличии.

– Он что, олигофрен? – съязвила я.

– Кто? – не понял Славка.

– Чекурин ваш.

– Почему олигофрен? С мозгом у него все в порядке.

– Да потому что только ненормальный станет жечь имущество конкурента, заранее сообщив о своем намерении двум десяткам свидетелей, – заявила я.

– Вот-вот, именно на такую реакцию он и рассчитывал, – победно произнес Славка. – Любой опер так и подумал бы. Не станет человек в здравом уме воплощать свой замысел после того, как растрюбил об этом повсюду. А Чекурин далеко не дурак. Вон как ловко с алиби придумал. В командировке он, мол. Моя хата с краю, ничего не знаю. Только в полиции тоже не простачки сидят. И мы кое-что умеем. Завтра он вернется, тогда и побеседуем.

Поняв, что дальнейшие пререкания только подольют масла в огонь, я не стала упорствовать. Вместо этого напомнила, что Славка обещал показать мне результаты осмотра, подготовленные криминалистами. Хоть сам Бузов был убежден, что дело можно закрывать, обещание свое он сдержал. Достал из кармана копию заключения и широким жестом выдал мне ее со словами:

– Бери, пользуйся. Правда, не знаю, стоит ли тратить на это время. Не сегодня завтра Чекурину предъявят обвинение. Посидит в следственном изоляторе и быстро выложит подробности.

– Быть может, ты и прав, – не исключая версию причастности Чекурина к неприятностям моего клиента, ответила я. – Узнаешь что-то новенькое – звони.

Славка пообещал держать меня в курсе событий, посочувствовал, что гонорар мой, по всей видимости, сорвался, и оставил меня в машине одну. Я же решила, что на сегодняшний день впечатлений достаточно, и поехала домой.

* * *

Дома я первым делом взялась изучать заключение, которое выдали криминалисты. Обнаружился довольно интересный факт. Оказывается, на месте поджога найдена бутылка из-под

бытового бензина. Такой бензин применяют для обезжиривания поверхностей перед окрашиванием. Жидкость исключительно легко воспламеняется. Приобрести бутылочку горючей смеси можно в любом магазине бытовой химии за скромную сумму. Отпечатки пальцев на бутылке были тщательно стерты, а сама она отброшена в ближайшие кусты.

Факт этот был весьма примечателен. Зачем человеку, имеющему, к примеру, автомобиль, заморачиваться покупкой бытового бензина? Вывод один: у поджигателя личного транспорта не имеется. Тогда каким образом он добрался до Дубков? Либо на маршрутном автобусе, либо это кто-то из местных жителей, в чем я очень сомневалась. В отличие от Славки Бузова мне нельзя было забывать, что Вдовин целую неделю получал странные послания, и только после этого злоумышленник начал действовать. Наличие бутылки лишний раз доказывало, что здесь орудует дилетант. Или же профессионал так ловко все спланировал, что замаскировал все действия под дилетантские.

Видимо, мне все же придется самой проверить алиби бизнесмена Чекурина. Кто знает, может, прав Славка, когда говорит, что Чекурин намеренно грозил Вдовину при свидетелях, чтобы на него подозрение не пало. Еще не мешало бы пообщаться с водителями рейсового автобуса на дубковском направлении. Не исключено, что они помнят кого-то из местных, кто в последнее время чаще обычного наведывался в Тарасов. На таких маршрутах, как правило, пассажиры по большей части одни и те же, водителям примелькались. Может, кого и выделят.

После этого я вновь взялась за послания. Разложила все пять листков перед собой. Две записки справа, три слева. Итак, два предупреждения уже получены. Угон машины и поджог. Какой следующий шаг шутника? Вот оно, послание под номером три. Его шутник передал с помощью бабки. Скорее всего, выбрал случайную старушку, проходящую мимо, дал ей денег и отправил к ресторану. Стоит искать ее? Думаю, только время зря потеряю. Приметы, которые сообщил мне Кусков, подходили к восьмидесяти процентам российских бабушек. Вдовин помнил и того меньше. По таким приметам я буду искать бабульку до заморозков, за это время шутник успеет сто раз все угрозы воплотить. А вот попытаться предотвратить очередное действие шутника возможно – если правильно истолковать рисунок.

На третьей записке, как справедливо заметил Кусков, был целый сюжет. Вот этот человечек на переднем плане, несомненно, мужского пола. Шутник ему и волосы прорисовал, и брюки модные. И даже галстук на шее, и наручные часы. Скорее всего, эта фигура изображает самого Вдовина. Этот персонаж присутствовал и на последнем из посланий, там, где у мужчины прострелена грудь. Здесь же вид у него вполне здоровый, если так можно сказать о картинке, нарисованной шариковой ручкой на простой бумажке в клеточку. На заднем плане на кровати возлежала еще одна фигура. И тут не было сомнений в половой принадлежности нарисованного человечка: юбочка, длинные кудрявые волосы и почему-то туфли на высоком каблуке. Тот факт, что никто не ложится спать в обуви, неизвестного художника, по всей видимости, не смущал. Понять возраст было сложно. Это могла быть девушка или женщина средних лет. Что еще? Бутылка возле кровати. Она не стоит, а лежит. Можно предположить, что она выпала из рук женщины. Кстати, одна рука у человечка свешивалась с кровати, подтверждая мою догадку. Я снова взяла лупу, пытаюсь отыскать на картинке дополнительные сведения. И нашла. Приглядевшись, я увидела, что на бутылке написана буква. Одна-единственная, но какая! Меня сразу бросило в жар. Буква «Я», изображенная на пузатом боку. Наверняка это намек на яд! Выходит, шутник собирается кого-то отравить? Кого-то из близких Вдовина? А вот это уже не смешно. Нужно срочно предупредить Петра Аркадьевича, чего ждать в ближайшем будущем, чтобы он успел принять меры предосторожности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.